

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра истории и теории литературы

КУРСОВАЯ РАБОТА

На тему: «Центральные мотивы сборника псалмов Иоанна Рутенина»

Студенка очной формы обучения

Шампурова Александра Андреевна

Научный руководитель:

Т. Л. Веронин,

старший преподаватель кафедры истории

и теории литературы, к. филол. н.

Заведующий кафедрой:

М.В. Пахолкина, к. филол. н.

Москва, 2017 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1.....	4
Глава 2.....	8
Глава 3.....	10
Глава 4.....	11
Заключение.....	22
Список литературы.....	24

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе мы обращаемся к исследованию центральных мотивов в сборнике псалмов Евгения Золотарёвского (творческий псевдоним Иоанн Рутенин), поэта, псалмопевца, жившего на рубеже XX и XXI веков. Его творчество не было подвержено детальному исследованию, поэтому псалмы Иоанна Рутенина с научной точки зрения рассматриваются впервые.

Целью данной работы является рассмотрение и выявление важнейших мотивов в псалмах Иоанна Рутенина.

Для достижения главной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) Краткое исследование истории обращения русских поэтов к Псалтыри
- 2) Рассмотрение понятия "мотив" в литературоведении
- 3) Анализ центральных мотивов в псалмах И. Рутенина.

Предметом исследования являются псалмы И. Рутенина.

Объектом исследования являются центральные мотивы в псалмах И. Рутенина.

Методологической базой исследования послужили труды Веселовского, Томашевского, Гаспарова, Хализева.

Актуальность данной работы состоит в новизне исследования творчества Иоанна Рутенина, в том числе его псалмов.

ГЛАВА 1

Исследование истории обращения русских поэтов к псалтырной поэзии

Уже на протяжении многих тысячелетий наша многовековая культура развивается именно в христианском ключе. Духовные ценности и идеалы, воспеваемые русской литературой, непосредственно восходят к библейскому Откровению, которое постигается только глубокой и истинной религиозной верой, где Откровение – «особое просвещение человеческого духа через Слово, несущее в себе истину и наставление».¹ Изучение Русской культуры вне её отношении к религии будет неполноценным, так как основные христианские идеи давно вошли в самый корень многих русских культурных ценностей.

Присоединившись к православному Востоку, Древняя Русь приобщилась к богатому наследию древней цивилизации и вместе с ней унаследовала церковную гимнографию, большое количество святоотеческих и богослужебных книг, что повлияло на дальнейшее развитие русской культуры. На Руси были популярны книги: Четвероевангелие, Апостол и Псалтырь.

Книга Псалмов царя Давида нашла особенное выражение в древнерусской культуре – в фольклоре², в гимнографии³, иконописи⁴, в миниатюрах⁵ и т.д. Когда в эпоху Возрождения Священное Писание стали переводить на национальные языки, одним из предметов переложений и подражаний стала Псалтырь.

¹ Луцевич Л. Ф. Псалтырь в Русской поэзии. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. — С. 5

² Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. — СПб., 1860.

³ Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. 2-е изд. — М., 1971.

⁴ Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. — М., 1978.

⁵ Лихачёва В. Д. Изображение иконоборцев и иконопочитателей на листах Киевской Псалтири // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб.2. — М., 1974.

Переложение текстов из Псалтыри стихами привело к развитию стихотворной псалтырной поэзии. В истории развития русской литературы она играет очень большую роль. Якобсон писал, что такое переложение «сродни по своей структуре церковной поэзии, коренящейся в поэзии средневековой...»⁶. Интересна двойственная природа этого жанра, где обычное стихотворное переложение – литературное явление, больше светское, сочетается с содержанием и формой текста сакрального, «включающее божественное начало»¹, поэтому его изучение должно быть направлено к «богословию, патристике, сочинениям Святых Отцов Церкви»¹.

Возникает необходимость рассмотрения термина «духовная литература». Под этим понятием подразумевается «только такая литература, которая целиком лежит на духовных основаниях святой веры в Бога»⁷, то есть литературу душеспасительную (жития, проповеди, творения Святых Отцов и др.) и богослужебная. Клайв Льюис писал, что Священное Писание – это «книга, и потому, читая его, мы поневоле входим в область словесного»⁸.

И о. Сергей Булгаков говорил, что в научном исследовании «между любым историческим памятником и, например, Евангелием не должно существовать ни малейшей разницы»⁹. Но, несмотря на это, нельзя использовать только рационалистический подход для изучения Священного Писания, так как «никакой научный анализ не раскроет в Евангелии того вечного религиозного содержания, которое даётся верующему сердцу»⁹.

¹ Луцевич Л. Ф. Псалтырь в Русской поэзии. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. — С. 14

⁶ Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и образ. ред. М. Л. Гаспарова. — М., 1987. С.55

⁷ Демидов Д. Г. Язык современной русской духовной литературы // Христианство и русская литература. Вып. 3. — СПб., 1999. С. 26

⁸ Льюис К. С. Размышления о псалмах // Мир Библии. 1993. С. 3

⁹ Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. — М., 1994. С. 84.

У науки и религии разные методы, тогда как наука придерживается метода холодной, рассудочной критики, а религии свойственен метод благоговения, который не сочетается с «вопрошающей критикой»⁹. Традиция переложения псалтыри стихами начинается с Симеона Полоцкого¹⁰, который в 70-х годах XVII в. совершил «смелый и новаторский шаг»¹¹.

В XVIII веке многие поэты обращались к книге псалмов. Основное направление творчества того века - это, в основном, литература, основанная на религиозном мировоззрении. Существовали два пути развития русской поэзии просветительского века, выразившихся в «эволюции Тредиаковского и Карамзина»¹². «В этих двух именах и расположилась русская поэзия того века, воплотившая в себе слова "sacrum" и "profanum", что означает сакральное направление, духовное и светское»¹. Русские поэты, совмещавшие эти два пути в своём творчестве, это А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. П. Сумароков, М. М. Херасков и многие другие поэты.

В дальнейшем влияние Псалтыри на русскую поэзию не прекратилось. Несмотря на то, что жанр стихотворного переложения псалмов ушёл на второй план, из русской литературы он не исчез. В XIX в. к этой книге обращались такие авторы, как В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, Ф. Н. Глинка, Н. М. Языков и А. С. Хомяков. В эпоху Серебряного века псалтырными сюжетами, образами и мотивами интересовались З. Гиппиус, К. Бальмонт, В. Брюсов, И. Бунин, Ф. Сологуб и другие.

Подчас переложение псалмов выражалось в изложении личного религиозного опыта. И от «чистого» или прямого переложения текст мог

⁹ Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. — М., 1994. С. 84.

¹⁰ Симеон Полоцкий. Псалтирь царя и пророка Давида, художеством рифмотворным равномерно слога, и согласноконечно, по различным стихом родом переложенная. — М., 1680.

¹¹ Серман И. З. «Псалтирь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. // Труды отдела древнерусской литературы. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — Том XVIII. — С. 214—232.

¹² Лотман Ю. М. Ломоносов и некоторые вопросы своеобразия русской культуры XVIII века // М. В. Ломоносов и русская культура. Тарту, 1996. С. 4.

сводиться к подражанию. Именно это мы наблюдаем у И. Рутенина.

Уникальность этого автора состоит в том, что у него не столько подражание, сколько текст подобного типа псалмам Давида. Поэтому его предшественниками уместнее назвать авторов, тексты которых можно рассматривать не как подражание или переложение, а как отдельные поэтические произведения, наполненные богословским содержанием. Это преп. Роман Сладкопевец, преп. Иоанн Дамаскин, преп. Косьма Маюмский, преп. Ефрем Сирийский, написавший свой ответ на гностическое учение в поэтической форме, преп. Иоанн Лествичник, который написал «Лествицу», где отдельные отрывки «дышат истинной поэзией».¹³ Творения преп. Силуана Афонского – это некие отдельные поэтически законченные отрывки, с одной стороны чем-то схожие с псалмами Рутенина, а с другой стороны отличающиеся внутренним содержанием и настроением. В XX веке традицию поэтического богословия продолжил епископ Николай (Велимирович). Его произведение «Молитвы на озере» «исполнены высокого богословия и выражены в самобытной художественной форме».¹³

¹³ Валерий Лепяхин. Плачет душа моя за весь мир. — М.: Паломник, 2003. — С. 223 – 233.

ГЛАВА 2

Теория мотива в литературоведении

Веселовский А. Н. под мотивом подразумевал «формулу, отвечавшую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся особенно важными или повторявшиеся впечатления действительности»¹⁴. Признак мотива по Веселовскому – это его «образный одночленный схематизм»: например, «солнце кто-то похищает (затмение)». <...> Простейший род мотива может быть выражен формулой $a + b$: «злая старуха не любит красавицу – и задает ей опасную для жизни задачу. Каждая часть формулы способна видоизмениться, особенно подлечит приращению b ; задач может быть две, три и более»¹⁴.

Веселовский считает, что мотив – это повествовательная единица постоянно повторяющейся формулы, которая была заложена ещё в сказках и мифах.

Томашевский писал, что каждое предложение обладает своим мотивом. Мотив – тематическое единство, встречающееся в различных произведениях. Эти мотивы целиком переходят из одного сюжетного построения в другое. В поэтике неважно, можно ли их разлагать на более мелкие мотивы. Важно лишь то, что «в пределах изучаемого жанра эти "мотивы" всегда встречаются в целостном виде»¹⁵. К таким мотивам можно отнести «увоз невесты», «помощь животных».

¹⁴ Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов [1897-1903] // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 2004. с. 494-495

¹⁵ Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие/Вступ. статья Н. Д. Тмарченко; Комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тмарченко. — М.: Аспект Пресс, 1999. — 334 с.

В работе «Снова тучи надо мною» Гаспаров Михаил Леонович видит мотив как «всякое действие, потенциально каждый глагол», то есть Гаспаров всё понятие мотива сводит к действиям: сколько в произведении действий, столько и мотивов. Пример, предлагаемый в работе: «конь» – это образ; «конь сломал ногу» – это мотив; а «конь сломал ногу – Христос исцелил коня» – сюжет¹⁶.

В.Е Хализев подразумевает под мотивом «компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью). Он активно причастен теме и концепции (идее) произведения, но им не тождественен. Важнейшая черта мотива – его способность оказываться полуреализованным в тексте, явленным в нем неполно, загадочным»¹⁸.

В большом своём труде Л.В. Гармаш соглашается с Хализевым в том, что «данное значение данного литературоведческого термина поддаётся определению с трудом»¹⁷, и замечает, что к подобному выводу приходит и О.Н. Русанова, которая относит категорию мотива к «одной из наиболее пластичных форм художественного моделирования»¹⁷. Гармаш подводит итог, что взгляды всех исследователей совпадают лишь в том, что характерная черта мотива – это его повторяемость.

Б.Г. Гаспаров пишет, что в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое «пятно» – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т.д.; единственное, что определяет мотив, – это «его репродукция в тексте...»¹⁹.

¹⁶ Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. II. О стихах. - М., 1997. - С. 9-20

¹⁷ Гармаш Л. В. Танатологические мотивы в прозе русских символистов : монография/ Л. В. Гармаш. – Харьков : Изд-во ООО «Щедрая усадьба плюс», 2015. – С. 7.

¹⁸ Хализев В. Е. Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. – М., 2004. – С. 405

¹⁹ Б. М. Гаспаров. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. — М., 1993 — С. 28-83

Другими словами, Гаспаров определяет мотивом любую деталь, любой намёк и любое событие – всё то, чем пронизано произведение.

Подводя итог, понятие термина «мотив» можно сказать определением Н. Д. Тамарченко, где мотив – «любой элемент сюжета или фабулы, взятый в аспекте его повторяемости, типичности, то есть имеющий значение либо традиционное, либо характерное для творчества данного писателя и даже отдельного произведения»²⁰. То есть мотив – это любой повторяющийся элемент, который характерен либо для данного писателя, либо для отдельного произведения.

ГЛАВА 3

Биография автора

Евгений Ростиславович Золотаревский (псевд. Иоанн Рутенин) (1950 – 2007) жил и творил свои произведения в том числе и в советскую эпоху. Это один из многих православных детских сказочников и поэтов, который так и не получил известность. В его произведениях заложены основные мотивы христианского миропонимания.

Евгений Золотаревский взял себе псевдоним из химической таблицы Менделеева по элементу, называвшийся "рутений", который был открыт в остатках уральской руды, и получивший название от позднелатинского слова Ruthenia, что означает Россия. И действительно, всё творчество Рутенина пронизано глубокой и преданной любовью к своей родине.

²⁰ Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. Т338 высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д.Тамарченко. — Т. 1: Н.Д.Тамарченко, В.И.Тюпа, С.Н.Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 512 с.

Большое влияние на творчество Рутенина оказало знакомство, а потом и дружба с Арсением Тарковским. В советское время Стихи Иоанна Рутенина не могли выйти в свет, так как были в списке запрещённых.

Своей самой значимой поэтической публикацией поэт считал большую подборку стихотворений в ставропольском ежемесячнике «45-я параллель», напечатанную в 1991-м году.

Нельзя изучать творчество Золотаревского без основного контекста – судьбы его Родины, в которой он жил и умер. Именно здесь происходит его осмысление творческого пути и формирование поэтического языка, которое переосмысливается через приход к вере. Около 800 псалмов было написано этим автором.

ГЛАВА 4

Важнейшие мотивы в псалмах Иоанна Рутенина

Перед тем, как мы будем рассматривать основные мотивы, посмотрим на основные образы в псалмах Рутенина. Самый первый и один из важнейших образов – образ Творца, Создателя. Это самый важный образ в христианской гимнографии.

Псалом с греческого "psalmoi" – "хваления", то есть псалом – хвалебная песнь, посвящённая Богу. И образ Его можно проследить во всех псалмах Рутенина, которые наполнены славословием и восхвалением Бога.

Второй по важности образ — образ Пресвятой Богородицы, к которой автор обращается почти в каждом. Для него Богородица – это прежде всего Мать, которая заступается за Своих детей. Лирический герой обращается к Ней как к помощнице и заступнице за весь род человеческий, а особенно за Россию.

Одним из важнейших образов, как некая метафора, скрывается образ природы. Он наполняет художественную составляющую псалмов, украшает её своей образностью и сравнениями.

Очень важным образом является образ родины, своего народа, образ России, которая предстаёт перед глазами псалмопевца в нечестивом и рабском состоянии греха. Россия богоизбрана и свята, поэтому лирический герой верит в её духовное воскресение.

Противопоставленный образу своего народа, в псалмах Рутенина есть и образ врагов. Это некий символ вражеской силы, которая направлена против всего светлого и святого.

Таким же важным образом является образ городов. У Рутенина они противопоставлены символами добра и зла. Символ добра – Сион, а символ зла – Содом и Вавилон. Здесь особенно хорошо проявляется библейский контекст, который так явно отразился в творчестве псалмопевца.

Ангелы встречаются не в каждом псалме, но у Рутенина эти ангелы – благовестники, они восхваляют Творца и приносят хорошие вести людям. Особенно часто псалмопевец обращается к образу ангельских крыльев. Также мы видим упоминание отдельных ангельских чинов (например, херувимы).

И сквозь все эти образы и сплетенные между собой мотивы можно увидеть один из главных образов – образ самого лирического героя. Лирический герой то радуется и славит Бога, то находится в состоянии нищеты и холода.

Все эти образы состоят из множества мотивов, которые нередко повторяются.

Таблица образов и мотивов

Образ Творца	Образ Пресвятой Богородицы	Образ лирического героя	Образ природы	Образы городов	Образ Родины, своего народа	Образ врагов	Образ мира, народа	Образ ангелов
Мотив славословия и поклонения	Мотив славословия и поклонения		Мотив славословия и поклонения (Бога)					Мотив славословия и поклонения (Бога)
Засступничества	Заступничества						Засступничества	
Мотив радости		Мотив радости	Мотив радости	Мотив радости	Мотив радости			
Мотив благодати Творца		Мотив благодати Творца	Мотив благодати Творца				Мотив Благодати Творца	Мотив благодати Творца
Мотив суда		Мотив суда	Мотив суда	Мотив суда	Мотив суда			
	Мотив любви	Мотив любви						
	Мотив празднования							
		Мотив вражды со своим народом	Мотив вражды со своим народом					

		Мотив суеты			Мотив суеты			
		Мотив испытания	Мотив испытания					
		Мотив ожидания	Мотив ожидания					
		Мотив послушания						

		Мотив горения						
		Мотив сетования и ропота						
			Мотив покаяния		Мотив покаяния			
			Мотив благовестия				Мотив благовестия	
				Мотив Божиего наказания				
				Мотив нечестия	Мотив нечестия			
					Мотив отвержения Бога			
					Мотив избрания			

					Мотив заблуждения			
						Мотив бессилия		
						Мотив поражения		
								Мотив благодарения

Мотив славословия и поклонения, составляющий образ Божией Матери, отражает здесь молитву лирического героя, направленную на восхваление и почитание Богородицы: «Преклоним колена пред Святою Матерью Твоей, ибо Царице Небесе должно служить и Царицу земли ублажать вечно» (Пс.547). Здесь лирический герой преклоняется перед

Царицей Небесной, перед Матерью Бога, к Которому обращается. Важный момент в этом мотиве – очевидный акцент на Царственном роде Богородицы, акцент на Её Царственном величии: «Напоминайте, напоминайте, чтобы сердца наши ублажали Ее. Царственна корона Ее и царственны одежды Ее – Царицы кроткой и ублажаемой от святых» (Пс. 637).

В образе Творца мотив поклонения и славословия преломляется в мотив поклонения Богу: «Воздам славу Всевышнему, поклонюсь ныне Милостивому!» (Пс. 1). Это поклонение героя в своём сердце: «Отверзи уста мои в славословии, превознесу в сердце своем Господа Бога моего!» (Пс. 4).

Этот мотив заметно проявляется в образе ангелов, которые созданы Богом для того, чтобы они служили Ему. Вместе со своим служением Ангелы воспевают и восхваляют Бога и лирический герой обращается к ним и к святым со словами: «Вознесите их, святые Его и Ангелы Его!» (Пс.637).

Этот мотив относится и к образу родины, своего народа, то есть России. И лирический герой призывает русских дочерей «быть верными сынам народа своего» (Пс. 549), чтобы те совершили дела «во славу Божию»: «О дочери русские, пьющие молоко, поклянитесь быть верными сынам народа своего: да пойдут они и совершат дела свои праведные ради вас и детей ваших во славу Божию!» (Пс. 549). Этот мотив связан также с мотивом любви и верности, чтобы с помощью этой любви пройти все испытания «во славу Божию».

Мотив радости будет по-особенному преломляться в отношении к каждому образу. В образе Пресвятой Богородицы этот мотив соединяется с мотивом славословия и поклонения: «Приходите к Ней с песнями и веселитесь о Ней в сердце своем!» (Пс. 638), – здесь лирический герой с веселием и радостью воспевает Матерь Бога и призывает к этому всех. И постепенно в образе Божией Матери мотив радования переходит в мотив празднования: «Да будет Ей наша покорность – в праздник, и да будет нам в праздник прощение грехов наших!» (Пс. 646). И праздник этот «прощения грехов» не только для людей, но и для Нёй Самой и для Её Сына: «Пречистая

Матерь Твоя готовится к празднику. День Сына Ее – разве не праздник для Сердца Ее?» (Пс. 625).

В образе Творца звучит мотив радости. И эта радость – душевный мир и тишина, причастность уже на земле Божьему покою, то есть «обетование радости»: «Тихое дуновение произошло из пределов Твоих, наследство успокоения, обетование радости» (Пс. 8). Или другая радость – радость от любви ко Творцу, желание Его Святой благодати: «Моление мое Отцу моему – с восклицанием радости и в желании благодати придем и поклонимся Господу Богу нашему!» (Пс. 9). И основной источник этой радости именно благодать, которую Бог посылает людям: «Ибо Ты ублажишь нас веселием и умастишь радостью благодати Твоей!» (Пс. 18).

В образе лирического героя мотив радости прорисовывает личность главного лирического героя, где душа его радуется о Боге: "Радостью радуется душа моя, и плоть моя веселится о Боге, Спасе моем" (Пс. 7). Или радость от предчувствия исполнения Божиих обетов: «Душа моя торжествует во мне – зрю очами плотскими обетование Твое на земле живых!» (Пс. 11).

В образе природы этот мотив по-другому преломляется. Здесь происходит символический вход в Небесное Царство: «Открываются ворота с веселием, и благоухают вместе мирт и нард. Лилия Твоя и роза Твоя встретят меня на входе. Доколе же, Господи? Вот – я!» (Пс. 3). Так как здесь говорится о воротах, то этот мотив относится не только к Небесному Иерусалиму, но и к образам городов, которые символизируют собой доброе и злое начало. И тогда под "воротами" будут подразумеваться не Царский Врата, а ворота Сиона. Если этот город, особенно для русских поэтов, – символ Иерусалима, центр святости на земле, то тогда эти образы не сильно расходятся, так как, в основном, здесь подразумевается одно и то же. Интересны некоторые образы природы, к которым прибегает автор. Это, например, пальмовая ветвь, которая должна радоваться: «Пусть приготовится пальмовая ветвь, пусть приготовится к радости и веселию» (Пс. 637). Лирический герой радуются Божьему творению: лучам солнца, голубому

небу: «Увидел я на инее луч солнца Твоего, Господи, и радость встрепенулась во мне, спокойствие ниспослала мне голубизна неба Твоего!» (Пс. 17).

Интересно проглядывается мотив радования в образе Родины и своего народа: "О, земля Господа Бога Живаго! На тебе – как будто в раю" (Пс. 29). Здесь радость именно от любви к своей Родине и от любви к Богу. И Россия соединяет эти две любви в себе своей богоизбранностью. Мотив радования может быть связан с образами врагов, где именно радость способна стереть чужую злобу: «Злобу чужую да сотрет восклицание радости, поношение наше да оправдает нас» (Пс. 8).

Мотив благодати Творца, мотив Божьего милосердия везде будет одинаково проявляться, но со своими особенностями преломления по отношению к разным образам. Самый главный образ – образ Бога, где проявляется этот мотив: «Несть числа добродетели Твоей, Боже, и вечная милость Твоя» (Пс. 20).

Также этот мотив находит отражение и в образе лирического героя, где Господь услышал его молитву: "Но Ты, Господи, Царю всех, принял молитву мою" (Пс. 19) и сохранил его для потомков: "И если бы не сила Твоя, Господи, так и меня бы стерли с лица земли, и отростка бы моего не оставили бы для потомков" (Пс. 21).

В образе природы используются для образности цветы, плоды и другие символические образы природы, чтобы показать благодать Создателя: «Ущедрил землю росой – и произвел цветы ведения, чтобы открылась Слава Твоя, и плоды долгоденствия не истощились при собирании их» (Пс. 13). Строка, связанная с чудесами: «Чудо Твое, Господи, является среди зимы, когда ты расцветиваешь растение свое, и лелеешь, и хранишь, и благословляешь его, и не могут ему повредить ни холод, ни ветер, ни злобные пожелания нечестивых человеков!» (Пс. 21), которая отражает всю заботу Господа о природе, в чём лирический герой видит настоящее чудо.

Этот мотив очень сильно перекликается с мотивом любви, так как благодать и любовь Божия – одно и то же. Поэтому здесь звучат такие строки: «Дух Божий, как в день творения, реет над водою, и любвеобилие Его проникает все творение Божие» (Пс. 625).

Сквозной мотив псалмопевческого творчества Рутенина – это мотив суда, который может разделяться на суд личный, внутренний, на частный после смерти и на Страшный суд, суд после Второго Пришествия. Подчас все суды могут совмещаться в один – нравственный, предчувствующий суд Бога: "Поставил её [правду] вершить суд, чтобы оправдать и даровать жизнь, чтобы нам жить!" (Пс.25). Здесь в качестве судьи выступает правда, то есть истина Христа, которую Бог даровал людям, чтобы они жили в вечности и измеряли ею дела свои. Когда же появляется мысль о Страшном суде, то этот мотив здесь соединяется с мотивом радости: "Как же возвеселимся мы в час явления Твоего!" (Пс. 25). В образе лирического героя мотив суда преломляется в личный нравственный суд, который сам герой вершит над собой: "Был ли я расточителен у Тебя? И ныне я не собиратель ли Твой? Суд мой у Господа" (Пс. 5). А в конце свой суд герой передаёт в руки Господа.

Образ природы для мотива суда служит хорошим фоном, где суд может совершаться не только через совесть, но и через природу: "И раздастся голос грома небесного, и спадут два камня" (Пс. 2). Природа здесь выступает как каратель за человеческие грехи. Или этот мотив может здесь связывать образ природы с образами городов: "Ходит Господь по Сиону в прохладе дня, смотрит очами своими на соблюдавших закон Его" (Пс. 2). В этой строке не столько мотив суда, сколько мотива благодати Творца.

Достаточно широкое распространение этот мотив нашёл в образе родины и своего народа. Иоанн Рутенин жил в советскую эпоху и его волновала судьба своей страны и своего народа. А так как этот народ жил в безверии и отдалении от Бога, то лирический герой переживает за свою

Родину такими словами: "Когда Ты произведешь суд – где будет оправдание ее?" (Пс. 6).

Самый основной образ, который составляет мотив суда – это образ городов. Города – символы добра и зла. И с образом суда связаны именно Вавилон и Содом как города, в которых был очаг греха и отступничества от Бога: "И тот [камень], что упадет на Вавилон, произведет разрушение и поразит многих" (Пс. 2).

А Сион – символ духовного начала, любви и Божественного присутствия: "Все, кто может видеть и слышать, обратите очи свои к Сиону! Ибо Господь произведет суд позади вас" (Пс. 2). А иногда образ Вавилона соотносится с образом родины через мотив суда и лирический герой говорит о наказании отвернувшихся народов: "И спадут два камня – один на Вавилон, другой в среду народа моего" (Пс. 2). И дальше идёт развитие этой темы, где автор пророчествует о судьбе России, об её исцеляющем наказании, так как верит в её богоизбранность и в её особое место в духовном мире: "[Камень], что упадет в среду народа моего, будет как манна для ядущих его, и накормит алчущих – народы будут благословлять его" (Пс. 2). Здесь автор даже использует библейские образы манны как некое необходимое, что накормит духовно "алчущих". А так как "народы будут благословлять его" и его образ соотносится с манной, то под камнем можно подразумевать не только наказание, но и ещё что-то жизненно необходимое для народа.

Один из главных мотивов в псалмах И. Рутенина – это мотив любви. И в первую очередь он составляет образ Божией Матери: "От Матери всех – любовь и радение; радение с любовью к Матери все" (Пс. 19), здесь даже звучит некий мотив восхваления Богородицы, который проявляется в любви лирического героя. Сердце Богородицы – это символ Её святой любви и заботы за людей: "И Сердце Матери Твоей источает любовь. Сколько сокровищ Твоих собрала Она в Сердце Своем!" (Пс. 551).

В образе лирического героя звучит мотив любви. Это некоторое выражение любви к Богу и к Его заповедям: "Сердце мое открыто для любви:

люблю я Твои повеления, Блаже, и люблю исполнения их во славу Христову" (Пс. 3).

И герой делает даже некий богословский вывод о предвкушении уже на земле той небесной радости от любви к Богу: "Любящий Бога уходит от суеты и в испытании предвосхищает радость" (Пс. 3).

Теперь можно рассмотреть исключительные мотивы, которые характеризуют только один образ. Например, образ Творца также составляет мотив познания, познание Бога, которое является Ему "похвалой": "Похвала Вседержителю – путь к познанию, а дорогу к познанию по вехам ведения проторил Господь" (Пс. 4).

В книге Псалмов присутствует много мотивов, составляющих образ лирического героя. Эти мотивы показывают определённые черты героя, по которым можно очертить его некий образ. В основном встречаются мотивы его внутреннего покаянного состояния, где лирический герой пытается приблизиться к Богу. И сначала звучит мотив заблуждения, когда герой вспоминает о своих похождениях: "Туда и сюда плутал я, и в долине Испытания было преткновение мое. Как горько плутал я!" (Пс. 1). Здесь же находится мотив суеты, где суета сама по себе выглядит даже не как мотив, а как образ, который поглощает всё вокруг: "Се – суета подступает к жилищу моему" (Пс. 3). Лирический герой видит в ней какую-то силу, которая способна захватить или что-то разрушить. Вместе с мотивом заблуждения, звучит мотив испытания: "Вспомяни, Господи, все испытания мои, взгляни на теперешнее терпение мое!" (Пс. 16) – просит лирический герой Бога, потому что в этом же месте звучит другой мотив, мотив конфликта со своим народом: "Там, где отвращаются от меня человеки, да призрит на меня Господь Праведный!" (Пс. 7). Здесь можно найти большое сходство лирического героя с автором, так как И. Рутенин жил в советскую эпоху, где и обрёл веру. И живя в эпоху гонения на Церковь, в эпоху непонимания, герой живет с внутренним конфликтом. Но, потеряв доверие людей, лирический герой не впадает в отчаяние, а возлагает свою печаль на Бога:

"Там, где отвращаются от меня человеки, да призрит на меня Господь Праведный!" (Пс. 7). Но подчас искушения слишком сильно давят на героя и тогда он с сетованием обращается снова к Богу: "А Ты, Боже наш, не радеешь о цветении моем. Вокруг все, как в тлении, и как в сени тленной предо мною: что покошено, что увяло, что потоптано, а что сорвано" (Пс. 10). Но всё равно, несмотря на все боли и скорби, лирический герой выражает свою любовь к Богу через послушание: "Исполню обеты свои с радостью, возликую в послушании Справедливому!" (Пс. 6).

Образ природы – один из самых насыщенных и художественно богатых образов. Здесь и образ льда, образ грома, солнца, холмов, ветра, цветов, восхода солнца, яблок и т.д. Один из первых мотивов – мотив оставленности, незащитности: "Шли по пустыне и пятились, шли и никто не утолил жажду нашу, от зноя и холода не защитил нас" (Пс. 13). Этот мотив напоминает собой мотив сетования и роптания на Бога, когда лирическому герою кажется, что Бог его оставил и не защищает. И снова начинается символика: пустыня, жажда, зной. Недалёко от мотива оставленности – мотив бессилия, где образ врагов сравнивается с образом травы, которая засохла: "Нет у сил у противящихся, ибо они сделались как сухая трава" (Пс. 557). Мотив благовестия тоже пронизывает собой образ природы: "...белая роза, которая при ней да возвещает о начале нового" (Пс. 15). Где "она" – это Родина и здесь снова намёк на духовное воскрешение России. Но при всей богооставленности, бессилия и тревоги лирический герой всё равно продолжает надеяться и ждать скорого "восхода Солнца": "Восход Солнца не ускоришь, но ожидающий торопит время; восход Солнца на востоке, а ждущий косится на юг и на север, когда в Солнце надежда его, и изнемогает в нетерпении" (Пс. 4).

Образ России – один из самых ярких и важных образов в псалмах Рутенина. Этот образ составляет много мотивов, но один из основных, как уже сказилось, – это мотив её избранничества: "Приди, приди ко мне та, что избрал для меня Бог живых, приди, ибо явление твоё – радость Господа" (Пс.

9). Здесь лирический герой верит в любовь Бога к его Родине, и что Воскрешение России будет "радостью Господа". Лирический герой говорит не только об её избрании, но и её близости к Богу, о её родстве: "Ты Отец ее – Боже Славный и Пречистый, ибо из Твоих дочерей я позвал ее к себе по имени" (Пс. 15). В этой любви слышна скорбь лирического героя за отступление от Бога и главные мотивы, характеризующие мотивы Родину – это мотив отвержения Бога и мотив нечестия, когда люди сами отступили от Бога и лирический герой кричит Ему: "Как мы далеко отступили от Тебя!" (Пс.13). И уже обретя веру, он не понимает людей, которые роют сами себе рвы: "Сами себе роют рвы, ропщут в нежелании знания, колеблются туда и сюда, и душами их лакомятся преисподняя" (Пс. 23). Этот мотив отвержения Бога пересекается с мотивом суда: "Сама себя судит судом своим, и выходит оправданною в нечистоте своей" (Пс. 6), где нечестие – также основной образ отвернувшегося русского народа, но автор почти всегда верит, что нечестие – это не путь России: "Да не погрязнут в нечестиях своих, – ибо их доля от Тебя – ведение" (Пс. 5). Подчас происходит сравнение России с языческим Вавилоном, который отвернулся от Бога: "В домах их нечистота и как бы развалины Вавилонские" (Пс.23). И в конце звучит грозное предупреждение родному народу и попытка сказать им об изменении жизни и желание призвать свой народ к покаянию: "Вы же, нечестивые, – как пауки в банке: семя ваше пожрет вас и дела ваши восстанут на вас!" (Пс. 577).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассмотрев основные образы и мотивы, которые из них слагаются, можно сделать вывод, что основными мотивами являются:

1. *Мотив славословия и поклонения*, который составляет образ Божией Матери, и отражает здесь молитву лирического героя. В образе Творца мотив поклонения и славословия преломляется в мотив поклонения Богу. Этот мотив заметно проявляется и в образе ангелов. Вместе со своим

служением Ангелы воспевают и восхваляют Бога. Этот мотив затрагивает и образ родины, своего народа, то есть России.

2. *Мотив радости*, который в образе Пресвятой Богородицы соединяется с мотивом славословия и поклонения. Постепенно в образе Божией Матери мотив радости переходит в мотив празднования. Этот мотив звучит в образе Творца, и эта радость – душевный мир и тишина, причастность уже на земле Божьему покою. В образе лирического героя мотив радости вновь играет очень важную роль, так как он прорисовывает личность главного лирического героя, где душа его радуется о Боге. Интересно решен мотив радования в образе Родины и своего народа. Здесь радость именно от любви к своей Родине и от любви к Богу. И Россия соединяет эти две любви в себе своей богоизбранностью. Также мотив радования может быть связан с образами врагов, где именно радость способна стереть чужую злобу.

3. *Мотив благодати Творца*, мотив Божьего милосердия везде будет одинаково проявляться, но со своими особенностями преломления по отношению к разным образам. Самый главный образ – образ Бога. В образе природы используются для образности цветы, плоды и другие символические образы природы, чтобы показать благодать Создателя.

4. *Мотив суда* может разделяться на личный внутренний суд, на частный суд после смерти и на Страшный суд после Второго Пришествия. В образе лирического героя мотив суда преломляется в личный нравственный суд, который вершит сам герой. Образ природы для мотива суда служит хорошим образным фоном, где суд может совершаться не только через совесть, но и через природу. Достаточно широкое распространение этот мотив нашёл в образе родины и своего народа. Самый основной образ, который составляет мотив суда – это образ городов, где города – символы добра и зла.

5. *Мотив любви* в первую очередь составляет образ Божией Матери. Вместе с этим он звучит и в образе лирического героя. Это некоторое выражение любви к Богу и к Его заповедям.

Мы видим, что псалмы Ивана Рутенина пронизаны основными мотивами псалмопевческого творчества, в которых заложена любовь к Родине и к Богу.

Список литературы

- Луцевич Л. Ф. Псалтырь в Русской поэзии. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. — 608 с.
- Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. — СПб., 1860.
- Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. 2-е изд. — М., 1971.
- Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. — М., 1978.
- Лихачёва В. Д. Изображение иконоборцев и иконопочитателей на листах Киевской Псалтири // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб.2. — М., 1974.
- Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и образ. ред. М. Л. Гаспарова. — М., 1987. С.55
- Демидов Д. Г. Язык современной русской духовной литературы // Христианство и русская литература. Вып. 3. — СПб., 1999. С. 26
- Льюис К. С. Размышления о псалмах // Мир Библии. 1993.
- Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. — М., 1994. С. 84.
- Лотман Ю. М. Ломоносов и некоторые вопросы своеобразия русской культуры XVIII века // М. В. Ломоносов и русская культура: Тез. докл. конф., посвящ. 275-летию
- Симеон Полоцкий. Псалтирь царя и пророка Давида, художеством рифмотворным равномерно слога, и согласноконечно, по различным стихом родом переложенная. — М., 1680.
- Серман И. З. «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. // Труды отдела древнерусской литературы. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — Том XVIII. — С. 214—232.
- Валерий Лепяхин. Плачет душа моя за весь мир. — М.: Паломник, 2003. — 236 с.
- Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов [1897-1903] // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 2004. с. 494-495

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие/Вступ. статья Н. Д. Тмарченко; Комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тмарченко. — М.: Аспект Пресс, 1999. — 334 с.

Гармаш Л. В. Танатологические мотивы в прозе русских символистов : монография/ Л. В. Гармаш. – Харьков : Изд-во ООО «Щедрая усадьба плюс», 2015. – С. 7.

Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. II. О стихах. - М., 1997. - С. 9-20

Хализев В. Е. Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. – М., 2004. – 405 с.

Б. М. Гаспаров. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. — М., 1993 — С. 28-83

Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. Т338 высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д.Тмарченко. — Т. 1: Н.Д.Тмарченко, В.И.Тюпа, С.Н.Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 512 с.

Западов В. А. Работа Г. Р. Державина «Над рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. – Сб. 15: Русская литература XVIII века. Л., 1989. С 289 – 318.

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе: В 10 ч. М., 1781 – 1782.

Третьяковский В. К. Сочинения и переводы как стихами так и прозою: В 2 кн. СПб., 1752.

Псалтырь, 1683 года в переводе Авраамия Фирсова - Мюнхен, 1989.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1950 – 1959.

Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы: В 2 т. СПб., 1867 – 1959.